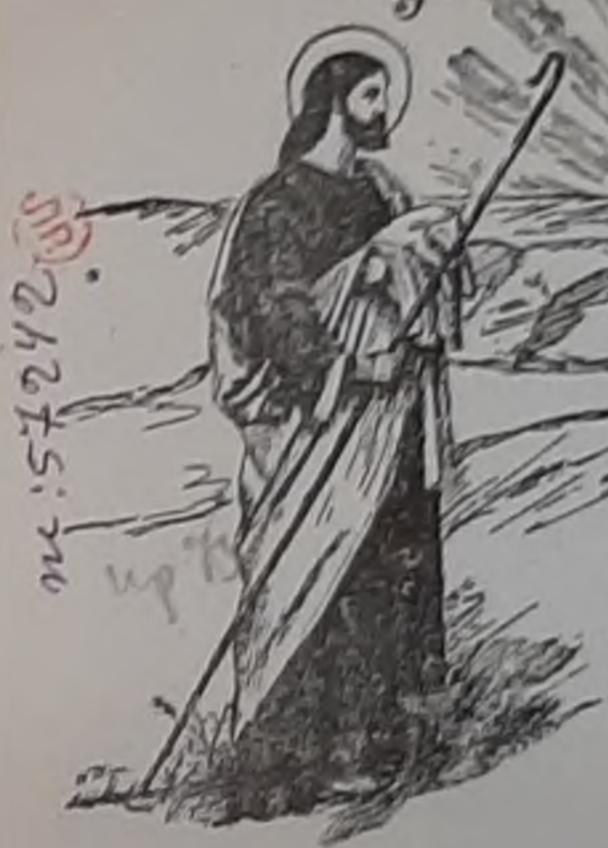

2 Cm 132

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ

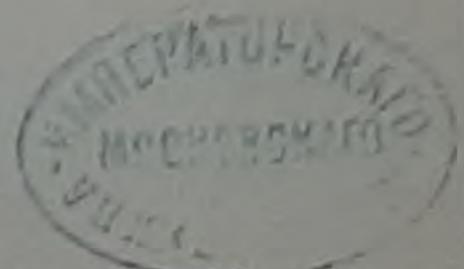
18. МАЯ 1909 г.
М. М. У.

м: 57242

А. У.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписка цѣна на годъ: Русское изданіе «Амер. Прав. Вѣстника» (24 выпуска) — 2 дол. (4 рубля); Англ. приб. Пр. ложеніа (12 выпуска) 1 дол. 50 цент. (3 рубля); Русское Изданіе и Приложенія — 3 дол. (6 рублей)

Terms of annual Subscription: Russian Edition — (issued semi-monthly) \$2.00; English Supplements — (issued monthly) \$1.50; Russian Edition and Supplements — \$3.00. Rev. A. Hotovitzky, Publisher, 15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

Vol. XIII. — No. 10. NEW YORK MAY 28 15 Мая 1909 г

Вѣнокъ на могилу митрофорнаго протоіерея о. Алексія Георгіевича Товта.

Рѣчь у гроба въ Божѣ почившаго Протоіерея Алексія Товта.

Что и могу сказать у этого гроба? Могу-ли я утѣшать васъ, братіе, когда я и самъ безутѣшенъ? Могу-ли облегчить вашу скорбь, когда я и самъ скорблю и страдаю, когда я и самъ не могу безъ

слезъ смотрѣть на этотъ гробъ, зная, кто въ немъ лежитъ, зная, кого мы лишились. Умеръ Товтъ.

Только два слова,—я какое горе, какое несчастье, постигшее всю Православ

ную Американскую Русь, выражаютъ они. Не хочется вѣрать, но подтверить когда видишь этотъ гробъ и лежащаго въ немъ.

Прискорбное событіе! Тяжелая утрата!

Тяжело разставаться навсегда съ близ-

Мы будемъ плакать, пусть льются слезы изъ вашихъ очей, не будемъ стѣсняться въ выраженіи своей печали,—пусть все знають, кого мы лишились и съ кѣмъ прощаемся навсегда.

Какъ плакали въ свое время сыны

О. митрополитъ протоіерей А. Г. Тонтъ въ 1903 году.

кимъ сердцу людямъ по тяжести нашей разлуки съ дорогимъ „батькомъ“ положительно безифриа. Мы плачемъ, и слезы наши есть не только дань уваженія, дань любви, дань благодарности почившему, но и то облегченіе, въ которомъ мы такъ нуждаемся теперь.

Израиля по своимъ неждѣ Моисей, какъ плакалъ Самъ Спаситель по своимъ друзьямъ у ногъ его, такъ плачемъ и мы и не мы только, окружающіе гробъ, но вся Православная Американская Русь зарыдають, лишь только разнесется слухъ о смерти о. Тонтъ, общаго друга, совѣтника доблестнаго

ратоборца, доброго и честного человека, вѣрнаго и любящаго сына нашей Матери Святой Православной Церкви, безавѣтно предавшаго Ея и Ея интересамъ.

Глубокая скорбь острою болью пропихнетъ сердца всѣхъ православныхъ русскихъ людей, но особенно сильно горе это почувствуется протоіереевскими пастырями, возлюбленными чадами ея — православными Вильксбургцами.

Нѣтъ теперь и никогда уже не будетъ съ вами, Вильксбургцы, вашего отца, вашего учителя, вашей славы и гордости. Никогда уже болѣе не услышите вы его громкаго, но не страшнаго голоса, и не увидите грознаго, но не устрашающаго лица. Что бы дали вы, что бы увидѣть эту мощную фигуру своего добраго батька, но это невозможно, ибо ушелъ онъ на своихъ слабыхъ ногахъ туда, откуда возврата не бываетъ и куда нашъ скорь не проникаетъ. И будете вы, часто будете воспоминавать своего батька, часто будете бесѣдовать другъ съ другомъ о немъ и о своей жизни съ нимъ, и тогда въ этихъ бесѣдахъ утѣшеніе и облегченіе въ своей скорби. Будете воспоминавать вы начало своей православной жизни, когда вы такъ страдали съ своимъ духовнымъ отцомъ, — припомните какъ тотъ судебный процессъ, который тянулся шесть лѣтъ, когда покойный отражалъ нападенія наиветовъ и униатовъ, которые съ своими ксендзами перьязъ являлись на судъ, по словамъ покойнаго, въ такомъ числѣ, что „казалось, будто бы ксендзы на тотъ разъ своей соборъ держали“. Припомните какъ и конецъ процесса, когда вы потеряли все: церковь, домъ приходскій, школу и кладбище. Припомните какъ, какъ тогда радовались ваши враги и какъ страдали ваши батько и вы, и какъ вы въ страданіи тѣсно соизмунались около своего духовнаго вождя и въ удивленіе своихъ враговъ и друзей въ одинъ годъ выстроили ве-

личественный храмъ и большой приходскій домъ; вы сдѣлали тогда такое большое дѣло потому, что вы отдали своему духовному отцу не только душу вашу, но и достоинство свое.

Въ это еще время вы познали, какъ любитъ Богъ поселять въ людѣ истиннаго духовнаго пастыря, и въ той пору вы съ своимъ протоіереемъ сдѣлавали тотъ переходъ, жизнь которого всегда была посвящена для всѣхъ приходцевъ нашей православной Миссіи. Какъ духовный пастырь подавайте какъ и направляйте на все доброе, святое, высшее. Идите впередъ, боритесь нашей Русіи съ Англіей и не стесняйтесь раскрывать передъ нами всю правду, которую вы открыли въ своемъ сердцѣ, — утѣшались въ неволе, и вы не стеснялись кричать, вы идите впередъ и не ждите отъ насъ и болѣе всѣхъ заслужите титула, — утѣшались истинной фидель, вы дѣлали большое, чѣмъ какой-либо другой приходъ выдѣлалъ въ это, — съжалеете себя за предшественниковъ, вы желаете съ такою любовью, за которую съ нами мы выражаемъ благодарности, — вы еще несли ношу креста любимаго до великаго мученія и смирения такія дѣла и миссіи, которая поставила васъ впередъ Миссіи и снискала вамъ общее уваженіе и славу въ средѣ нашей благодарности.

Вотъ почему съ вами и вы съ вами, православные Вильксбургцы, — вотъ почему ваша утрата есть потеря и наша, — ваше горе есть горе и наше, горе наше общее, горе всей Православной Американской Русіи.

Вашъ пастырь работалъ не для васъ только, и не для всей Миссіи. У васъ своя жизнь, но жизнь не для васъ только, а и для всей Миссіи. Никто болѣе его не радовался радостями Миссіи и не печалился о печалихъ. Это и понятно, — такъ какъ его трудями она создавалась и въ его глазахъ миссія въ то, что она есть

теперь. Когда онъ прибылъ въ Америку, то на цѣломъ материкѣ Соединенныхъ Штатовъ не было ни одного русскаго православнаго прихода, ни одной русской православной церкви за исключеніемъ кафедральной въ С. Франциско. Въ организаціи 17 приходовъ онъ лично участвовалъ. Было время, когда онъ, по его словамъ, завѣдывалъ новоорганизованными приходами на разстояніи 1500 миль. Ему постоянно приходилось вѣдѣть, требы исполнять, церкви строить... А какими „удобствами“ при этомъ пользовался онъ, когда нужно было бороться и съ темнотою народною и съ кознями унѣтскихъ миссіонеровъ, о томъ извѣстно всѣмъ нашимъ миссіонерамъ, трудящимся во славу святаго православія. Онъ пережилъ искушенія и покушенія, злобу и проклятія со стороны панствовъ, клевету, нападенія и такую борьбу, что, какъ вѣразь говорилъ онъ, самъ не повѣрилъ бы, что это было если бы этого не испыталъ на себѣ.

Но что всего хуже, ему приходилось бороться не только съ внѣшними, а и съ внутренними врагами, вести борьбу, между прочимъ, и за насущный кусокъ хлѣба.

Вскорѣ послѣ его присоединенія къ Православной Церкви (25 марта 1891 года), кто-то распустилъ молву, что онъ своихъ прихожанъ продалъ „шизматикамъ“ за тысячи долларовъ. Тогдашніе прихожане его повѣрили этой „глухой баснѣ“ и перестали платить ему жалованье. Въ это время епископъ Алеутскій Владиміръ былъ отозванъ въ Россію, а о. Товтъ остался даже безъ моральной поддержки, буквально нуждаясь въ кускѣ хлѣба. Наврядли панствовъ на него дѣлались все сильнѣе и сильнѣе. St. — Paul'skій архіепископъ, при содѣйствіи унѣтскаго Пряшевскаго епископа, щедро снабжали его прихожанъ „апостольскими посланіями“ и, наконецъ, вѣразь говорилъ покорный, и удостоивенъ великой честью быть проклятымъ самимъ

римскимъ папою.

Что--же? растерялся онъ послѣ этого? Ницуть.

Онъ только усилилъ свою дѣятельность. Онъ все силы свои отдаетъ на то, чтобы просвѣтить въ Америкѣ бѣдныя, отуманенныя въ Угріи и Галичинѣ, русскій народъ. Онъ пишетъ и издаетъ брошюру — „Гдѣ глѣдѣти правду“ — ту брошюру, которой мало кто не знаетъ теперь изъ здѣшнихъ русскіхъ людей, и, между прочимъ одинъ экземпляръ посылаетъ самому панѣ въ Римъ, — онъ пишетъ и распространяетъ въ народѣ воззванія и листки. Онъ будитъ національное русское самосознаніе, онъ стремится къ тому, чтобы соединить въ одно, въ одну семью здѣшнихъ русскіхъ людей, связать ихъ не только религіозно и морально, но и материально. По его инициативѣ въ 1895 году учреждается „Православное Общество Взаимопомощи“, которое имѣетъ въ себѣ теперь около 150 братствъ и которое служитъ теперь и фундаментомъ для Миссіи и цементами, связующими въ одно цѣлое членовъ ея, которое помогаетъ строить храмы Божіи и поддерживаетъ епротскій приютъ. Онъ наноситъ удары унѣи, и его голосъ, какъ вѣчевой колоколъ, раздается во всѣхъ концахъ Американской Руси, — онъ зоветъ всѣхъ русскіхъ людей къ своей родной вѣрѣ, къ вѣрѣ своихъ дѣдовъ и прадедовъ.

Вотъ какого человека, какого миссіонера мы знаемъ хорошо. Отъ дѣятельности его остались неизгладимые слѣды и его имя навсегда написано на страницѣхъ исторіи православія въ Америкѣ. Этотъ могучій дѣятель всегда будетъ жить въ памяти Православной Американской Руси и память о немъ не изгладится.

Могутъ ли забыть о. Товта и забудутъ ли его ближайшіе сотрудники, о.о. миссіонеры? Никогда.

Что насъ всегда влекло къ о. Товту?

Почему папъ всегда хотѣлось побывать у него и провести съ нимъ время? Почему у него за одно прошлое лѣто перебивало 26 священниковъ? Потому ли, что у него всегда и для всѣхъ гостеприимно были открыты двери? Потому-ли, что у него всегда можно было найти совѣтъ и указанія? Да, отчасти и поэтому, а главнымъ образомъ потому, что у него всѣ могли найти и находили моральную поддержку и ободреніе. У всѣхъ имѣлась потребность побывать у этого человѣка, войти съ нимъ въ братское общеніе, потому что всѣ не чувствовали только, а и сознавали, что это человѣкъ, имѣющій опредѣленные взгляды на все и умѣющій точно излагать свои мысли обо всемъ. Для всякого ясно было, что въ свое время этотъ человѣкъ переживъ періодъ некапій, нашелъ то, что искалъ, и рѣшительно и навсегда остановился на этомъ. Вотъ почему слушавши, бывало, его рѣчи о томъ какъ болѣла, томилась душа его въ сѣтяхъ паннизма, какъ страдалъ онъ, видя и слыша ту уніатскую ложь, въ сѣтяхъ которой и доселѣ задыхается несчастная часть нашего русскаго народа, какъ онъ искалъ выхода изъ невыносимаго положенія, какъ онъ обрѣлъ наконецъ то, чего искалъ и какъ при этомъ чувствовалъ себя, — слушавши эти рѣчи и такъ хотѣлось бы слушать и слушать ихъ, безъ конца слушать. Намъ несколько вклекло къ нему, тарауло, потому что это былъ человѣкъ цѣльной натуры и сильной воли, человѣкъ, если можно такъ выразиться, опредѣленного рѣшенія, не шатаній и колебаній. Отъ него каждый изъ насъ не только поучался, а около него чувствовалъ себя увѣреннѣе и, взирая на него, каждый провѣрялъ себя. Трудъ въ этомъ былъ небольшой, такъ какъ добрыя качества его настолько были типичны въ немъ и настолько преисполняли душу его, что онъ, при всемъ желаніи и стараніи,

не могъ скрыть ихъ и каждый могъ видѣть ихъ и читать на его лицѣ какъ въ открытой книгѣ.

Вотъ кого мы любили и вотъ почему такъ безутѣшны. Однако мы дзлетн отъ отчаянія.

Прежде всего мы, какъ христіане, утѣшались тѣмъ, что „Батько Православной Американской Руси“ достигъ, наконецъ той пристани, къ которой устремляемся и всѣ мы.

Въ самомъ дѣлѣ, не радостна-ли для мореходца тизая пристань послѣ бурзато плаванія? Его же плаваніе было не тихимъ. Не возжелѣннѣе-ли для утомяннаго путешника тотъ домъ, гдѣ онъ можетъ отдохнуть отъ повеселенія на пути вара и лной, гдѣ „не вить пасти на него солнце, ниже вѣкъ зной“ (Анон, VII, 16). Онъ вступилъ въ ту страну, которая есть страна радости, обитель раа. Ужество-ла, щель этого, безпѣрно екорбѣть у гроба его? Папъ велиа не екорбѣть, велиа не плакать, но не будеть, братіе, предаваться отчаянію, „або вѣли, яко еще живая ваша хранина тѣла радуетея, созданіе отъ Бога ивами хранилу веру-котворену, вѣну на небесахъ“ (2 Кор. V, 1).

Почившій уже вступаетъ теперь въ нерукотворенную хранину. И щель гробъ его, велиащъ гробомъ для жизни живой, для небесной является, такимъ образомъ, колибелью. Ужество-ла, послѣ этого, у гроба его вить, повтораю, предаваться отчаянію? Нѣтъ, да не будеть это! Мы, пасоборать, обратимся къ почившему и скажемъ ему: Отець Протоирей! Если ты входилъ уже въ радость Господа твоего, то мы сорадуемся тебѣ и радуемся за тебя. Радуемся и благодаримъ тебя за то, что ты едѣлаъ дѣл насъ и для вѣней святой Православной Церкви въ Америкѣ. Благодаримъ тебя за то, что ты, оставившій насъ, оставилъ вить образъ непоколебимотвердой вѣры въ истинность и

спасительность нашей святой православной вѣры, родной для русскаго челоука.

Знай, что дѣти твои и сотрудники никогда не нарушатъ завета твоего и навсегда пребудутъ вѣрными и добрыми чадами Святой Православной Церкви Христовой.

Знай, что память о тебѣ будетъ передаваться въ Американской Руси изъ рода въ родъ и трона къ этой могилѣ твоей никогда не заростетъ травой.

Сюда, — къ могилѣ твоей будутъ ходить духовныя чада твои и здѣсь будутъ молиться о тебѣ и воспоминашь тебя и, воздавая тебѣ молитвенную память, будутъ почерпывать новыя силы къ той доброй жизни, которою жить долженъ всякій православный христининъ.

Отецъ Протоіерей! Ты теперь не на морѣ, и въ тихой пристани, не въ изгнаніи, а въ отечествѣ, не въ узакъ, и на свободѣ. Привѣтствуемъ тебѣ съ окончаніемъ земного странствованія.

Мы тебѣ никогда не забудемъ! Не забывай и ты насъ и молись о насъ и о нашемъ дѣлѣ у Престола Отца Небеснаго, Ему же честь и слава во вѣки. Аминь.

Архіепископъ ПЛАТОНЪ.

Кто былъ о. протоіерей А. Товтъ?

Едва ли кому изъ членовъ миссіи извѣстна подробная біографія, свѣдѣнія о прот. Товтѣ, не смотря на всю его знаменитость. Да оно, впрочемъ, и не необходимо знать, гдѣ родился, учился, какія награды получилъ о. Товтъ, чтобы сказать, кто онъ былъ.

Въ томъ то, именно, и кроется дѣйствительное отлчіе великихъ людей отъ мелкихъ личинокъ, у которыхъ если отнять формуляръ, то ничего отъ нихъ не останется. А наоборотъ, выписывать великому челоуку подробный формуляръ, —

это какъ бы оскорбленіе ему. Важно только отмѣтить моментъ, съ котораго извѣстный челоукъ сталъ великимъ. И этимъ моментомъ было воссоединеніе въ 1891 году о. Алексія Товта, а съ нимъ и цѣлаго Миннеаполискаго униатскаго прихода съ православною церковью.

36 лѣтнимъ, въ полномъ разцвѣтѣ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, прибылъ о. Товтъ въ Америку. Какъ бывшему секретарю Пришевекаго епископа Николая Товта, о. А. Товту не захотѣлось сходить на второй планъ при его преемникѣ — Іованѣ Вальи, и онъ рѣшилъ повесить болѣе широкаго простора для своей дѣятельности въ Америкѣ.

Подобно бл. памяти о. Ивану Наумовичу и о. Товтъ болѣлъ душою, видя поруганіе русскій вѣры и русскаго обряда въ родной странѣ. Самъ онъ, благодаря вліянію своего отца — униатскаго священника, а въ особенности епископа Николая Товта, — въ минуты откровенности говорившаго своему секретарю, что „отъ Рима всегда слѣдуетъ ожидать одного только свинегва“ — никогда не переставалъ въ Римѣ, тѣлуемъ и сердцемъ и душою къ Востоку и, какъ намъ говорилъ, мечталъ по прїѣздѣ въ Америку сдѣлать великое дѣло раскрѣпощенія русскаго народа отъ римскаго рабства.

Въ Америкѣ уже о. Товтъ засталъ нѣсколькихъ униатскихъ священниковъ, конечно, нѣсколько было построено русскихъ церквей и... надъ всеѣмъ и симъ тяготѣла враждебная рука ирландскихъ епископовъ, которые при всѣхъ возможныхъ случаяхъ старались увивить „св. унию“ и вѣрныхъ слугъ ея русскихъ священниковъ, а народъ — конечно — пребывалъ въ блаженной увѣренности, что онъ есть истинно православный — такой же, какимъ былъ св. ки. Владиміръ.

Прямодушному о. Товту не нравилось и вынуждаемое обстоятельствами души-

чю русскихъ епископовъ, которые, от- лично создавая, кто они, должны были завѣрить народъ, что они православные (или по крайней мѣрѣ не отрицать того), что они римокатолики съ греч. обрядами), а еще больше по правиламъ ему догма- тизмъ ирландскихъ епископовъ, съ однимъ изъ которыхъ, именно: С.-Полевымъ о, Товтъ столкнулся съ первыми же днями своего приѣзда.

О. А. Товтъ въ 1891 году некорѣ по приѣзду православію.

Векорѣ составилъ съездъ дух-но подѣ предѣдательствомъ о. Товта. Долго судили и рядили, тайно постановили уже и православіе принять. Но когда дошло до дѣла, то порвать съ унией и принять пра- вославіе мужественно рѣшился одинъ только о. Товтъ, который, дознавшись о существованіи въ С.-Франциско правосл. русскаго епископа, подошелъ подѣ его юрисдикцію.

„Вѣсть о томъ, что я поки-

нулъ унию (пишетъ о. Товтъ въ брошюрѣ. Еще нѣсколько откровен- ныхъ словъ) и присоединился къ своей родной церкви встрѣтила общія при- вѣтствія и одобренія со стороны прежнихъ моихъ собратій. Нельзя безъ курьеза про- читывать мною сочувственныя письма, по- лученныя тогда мною. Такого напр., пись-

О. прот. А. Товтъ въ 1899 году въ Гальвестъ-Барре, Не

мо Кор. Лавринина, гдѣ онъ горько съ- туетъ на Ерейскаго епископа Миллена и привѣтствуетъ мой „мужескій“ посту- покъ... Или — письмо Хивата, въ кото- ромъ онъ очень „похвально“ выражается по поводу того, что я такъ „мужески“ защищаю права „нашей церкви“. Иные изъ собратій даже лично приѣзжали ко мнѣ въ Миннеаполисъ, изъявляя готов- ность сдѣлать тоже, что сдѣлалъ я, если

бы только, говорили они, не пренятствовали имъ семейныя обстоятельства"...

Впрочемъ нашлись и такіе собратья, которые начали подозревать и обвинять меня въ томъ, что изъ за матеріальныхъ выгодъ я „перемѣнилъ свою вѣру“. А между тѣмъ больше года по принятію православія я писалъ, что называется, между небомъ и землей.

Жалованья я не получалъ, привилегій никакихъ не имѣлъ, а, напротивъ, терпѣлъ и былъ преслѣдуемъ въ это время до крайности. С. Польскій архиепископъ требовалъ отозвать меня, какъ виновника и председателя священническаго съѣзда, въ Европу, Пржевальскій епископъ исполнялъ его желаніе, но я не бросилъ ввѣренной мнѣ паствы на произволъ судьбы и въ жертву хищнымъ латинскимъ волкамъ... Посылались проклятія, будто я продаю свою совесть и вѣру за 30 тысячъ рублей индизамкамъ и москалямъ, прибыли апоетольскія энциклики пражскаго епископа, полныя нелѣпностей, оскорбляли покойнаго моего отца и прч. и прч., а на дѣлѣ у меня много разъ не было и н а с у щ н а г о х л а б а... Отъ запугиваній и застраиваній перешли къ послѣдствіямъ, предлагали оставить Миннеаполисъ и на время переселиться въ другой какой нибудь приходъ въ Америкѣ, а затѣмъ возвратиться назадъ, — все, молъ, будетъ прощено, забыто и на карьерѣ моей дальнѣйшей не отразится... Но, при всѣхъ лишеніяхъ, я не свернулъ съ моей тернистой дороги..."

А путь этотъ былъ дѣйствительно тернистый. Пользя не удивляться той поразительной энергіи, неутомимости и терпѣнію, съ какими дѣйствовала о. Товта въ первые годы своей дѣятельности. Онъ словно метеоръ леталъ по небосклону Американской Руси и вездѣ зажигалъ свѣточки православія между русскимъ народомъ, ибо какъ иначе можно назвать его

миссіонерскіе переѣзды въ тѣсни миль въ какой н. одинъ мѣсяцъ?!

И пробудилась Русь и пошла къ православію. Бывали — конечно — и неудачи — нападенія и покушенія. Уніатскія газеты травили борца за православіе, приписывали ему самыя гнусныя преступленія. Но ничто въ свѣтѣ не могло сломить желѣзной воли о. Товта, не въ состояніи было погасить его огненной ревности къ распространенію православія. И плодомъ его апоетольскихъ трудовъ было основаніе 17 прив. приходовъ!

Скоро явился и другіе миссіонеры — помощники о. Товта. „Старый Батько“ могъ уже немного отдохнуть. И онъ въ послѣдніе годы дѣйствительно „отдыхалъ“ т. е. рѣдко уже совершалъ миссіон. путешествія, но безподобнымъ перомъ своимъ въ пользу православія онъ въ эти послѣдніе годы дѣлалъ если не больше, то несколько не меньше, чѣмъ въ первые годы своей дѣятельности!

Прекрасный, какъ никто другой въ миссіи, знатокъ латинскаго и уніатскаго, психологъ, проникній во всѣ тайники души родныхъ ему вѣтр. русиновъ, искуснѣйшій съ отгѣвкомъ юмора полемистъ; не тяжкодумъ, а быстро на лету схватывающій явленія жизни и дающій имъ глубокое и вѣрное толкованіе, о. Товта такъ сильно потрясъ унію, такъ подробно раскрылъ всѣ хитросплетенныя лжемудрствованія прихвостней папы и такъ неподобно защитилъ св. истину православія отъ нападковъ враговъ, что намъ — продолжателямъ его великаго дѣла не остается ничего новаго сказать въ этомъ отношеніи и слѣдуетъ только повинмательные вчитаться въ и н с а н і я о. Товта и щедрой рукой черпать отсюда вѣчныя, святыя, имъ въ сердцѣ выношенныя и душою выстраданныя, истины. А маленькая книжка „Где глѣдати правды“, такъ много сдѣлавшая въ дѣлѣ распространенія

православія между р. народомъ и въ Австріи, навсегда останется нѣтъ бы катехизисомъ исторической и догматической истины православія и жи уиш.

Можно сказать, что за 18 лѣтъ ничто важное въ нашей миссіи не совершилось безъ о. Товты, который, если иногда лично и не участвовалъ, то непремѣнно давалъ свои совѣты, указанія, которыя пользовались у насъ непрекращаемымъ авторитетомъ.

Фраза: „Такъ Товтъ сказалъ“ имѣла въ рѣшеніи того или другого важнаго вопроса магическую силу. И это потому, что и Архипастыри и пастыри были глубоко убѣждены въ безавѣтной и единогласно о. Товта православію и глубоко вѣрили въ его великій умъ и знанье народной души.

Что касается простого народа, такъ онъ прямо благоговѣлъ предъ своимъ просвѣтителемъ, считалъ его вонетину своимъ баткомъ, видѣть и говорить съ которымъ считалось уже своего рода счастьемъ и предметомъ гордости.

Враги, конечно, съ бѣшенствомъ и проклятіями произносили имя о. Товты, но и они въ душѣ не могли не преклониться предъ этой замѣчательной личностью и не стѣснительно открыто выразить сожалѣнія по поводу ухода о. Товты въ православіе.

Вотъ кто такой былъ о. протоіерей Товтъ. Поистинѣ отсюда та печаль великая и та особенно сердечная теплота, которыми проникнута надгробная рѣчь Владыка. Понятны и тѣ восклицанія Архипастыря, которыми онъ нѣтъ часто перерываетъ свою бесѣду: „Ахъ, какъ жаль о. Товты!“

Послѣдніе дни жизни и кончина о. протоіерей А. Г. Товты.

55 лѣтъ имѣлъ о. Товтъ, когда Господу Богу угодно было отозвать къ Себѣ

сего вѣрнаго и (вѣрнѣе) нѣтъ уже блаженствующаго въ небесахъ раба Своего.

Кажется, о. Товту жить бы да жить еще. Но это уже общій удѣлъ избранниковъ Божиихъ—преждевременно сгорѣть на алтарѣ любви къ ближнимъ.

— Удивительно это (не разъ говорилъ и о. Товту). Вамъ всего 50 сличкомъ лѣтъ, а Вы выглядите, какъ будто Вамъ было больше 70.

— Поживите Вы какъ я. Перенесите все, что я перенесъ, и Вы будете выжить столѣтнимъ. А впрочемъ, вѣрнее вы бы всего не пережили. Ничѣ я самъ удивляюсь, какъ могъ столько перенести! отвѣчалъ о. Товтъ.

Но до октября минувшаго года и самъ о. протоіерей еще кое—какъ, при помощи лекарствъ, держался на ногахъ и если уже не разъѣзжалъ, какъ въ первые годы своего миссіонерскаго дѣланія, то, пхидя дома, много трудился для миссіи своимъ огненнымъ, безусловно побуждающимъ дѣломъ соперниковъ, перомъ.

Но съ минувшей зимой о. Товтъ такъ не на шутку захворалъ. Конечно, вѣсть о его болѣзни, разнесшись по цѣлой Америкѣ, вызвала всеобщія сожалѣнія, и каждая для себя выразенье въ повсемѣстныхъ молебныхъ по церквяхъ о здравіи болящаго протоіерей Алексія.

Самъ Высокопреосвящен. Владыка Платонъ, горячо и искренно любившій о. Товты и давшій ему вѣщаніе „Ватъа америк. Православной Русі“, — извѣстивъ о послѣднее время шрицательнымъ имевшемъ о. протоіерей, дважды посѣтилъ болящаго; сослуживцы іерей тоже со слезами на глазахъ не разъ бывали у постели угасающаго свѣтила православія. Доктора неотступно посѣщали болящаго; уходъ за нимъ со стороны родныхъ былъ превосходный. Но ни молелья пани, ни любовь, ни лекарства не могли вырвать нашего незабвеннаго и дорогаго Батъа изъ

рукъ смерти.

Долго боролась натура покойного съ разрушительницею жизнью; но прежецамъ болящій выдалъ въ безсознательное состояние. Но приходя къ себя, интересовался событиями дня и съ особенною любовью останавливалъ свой взоръ на помѣщенномъ напротивъ его кровати на стѣнѣ

сладкими словами о. Товта были: „Вотъ мой отецъ. Мать. Иду ко Отцу моему Небесному“.

Кончина о. протоіерея Алексія была тихая и мирная.

Рука безжалостной смерти не рѣшилась обезобразить всегда доброе, милое и симпатичное лице усопшаго протоіерея Але-

О. прот. Товтъ въ 1906 году.

портретъ Владыки Платова и теплыми словами вспоминалъ своего Архидіакона.

Нѣсколько разъ о. Товтъ, предчувствуя близкую кончину, прощался съ близкими людьми. И къ переходу въ вѣчность приготовился чрезъ таинства исповѣди, причащеніе и елеосвященія. По-

сію. А, наоборотъ, наложила на него печать какой то неземной красоты и святости. Быть можетъ, моимъ, затуманеннымъ слезами глазамъ показалось, а можетъ быть и дѣйствительно лицо о. Товта просвѣтлѣло отъ радости, что наковецъ душа его сего труженника и борца нашла для себя упокоеніе въ обителяхъ Отца Небеснаго.

Погребеніе въ Бозѣ почившаго протоіерея А. Г. Товта.

„Послѣ моей смерти съ мной тѣло пусть, что хотить, сдѣлають. Это для меня совершенно безразлично! не разъ высказывался Левъ Толстой. — Вѣдь я ничего не буду чувствовать.“

Но православная церковь, въ погребальныхъ обѣдѣнияхъ съ печалью указывая на „безобразну и беззаконну, во гробѣ лежащу, человѣческую красоту“, однако отдаетъ бездыханному тѣлу христіанина великія почести, такъ какъ оно было храмомъ Духа Божія, — въ немъ растворилась частица пречистыхъ Тѣла и Крови Христовой; а кромѣ того, оно еще умѣетъ и воскреснуть во славу!

Погребеніе о. прот. А. Товта было особенно торжественнымъ, хотя усопшій и оставилъ завѣщаніе, чтобы его погребеніе было совершено съ вѣроятнѣйшей простотою: самый дешевый гробъ, одинъ священникъ и безъ рѣчей. Въ бѣломъ облаченіи и съ царской митрой на главѣ въ продолженіи двухъ сутокъ лежалъ усопшій протоіерей въ ВБарре, — сперва въ домѣ, а потомъ въ церкви. И за все это время у его гроба немолчно читалось іереемъ Евангеліе, прерываемое канцонами и пѣснопѣвными и рыданіемъ духовныхъ чадъ, друзей, почитателей и знакомыхъ почившаго. А ихъ вѣдь перебивали тысячи, — такъ сильно популярнымъ былъ въ ВБарре о. Товтъ.

Вся въ черное съ бѣлымъ задранированная ВБаррская церковь, окружающая гробъ троническія растенія, множество чудныхъ вѣнковъ и крестовъ изъ живыхъ цвѣтовъ, артистически-прекрасное пѣніе о.о. іереевъ, по временамъ заглушаемое рыданіями пришедшихъ отдать послѣдній долгъ усопшему, — вотъ обычныя впечатлѣнія показателя любви и уваженія къ почившему и глубокой печали, вызванной его ковчиной. Но въ душу нашу если-бъ

кто заглянулъ, во панель бы и конца печали, — увидѣлъ бы сильныя рыны, которыя не въ состояніи взглянуть всеобщающе время, — такъ велика наша скорбь о почившемъ. И вѣрить, что тѣмъ больше рука тѣлѣнія будетъ разрушать многогрудое тѣло нашего „Батька“, тѣмъ сильнее печаль будетъ охватывать сердца многотысячныхъ духовныхъ его чадъ, и тѣмъ ярче заблестаетъ предъ ихъ сознаніемъ сѣтливый образъ Божья избранника, вероученика православія въ Америкѣ, везувеннаго о. Товта!

Но вотъ наступили посл. минуты пребыванія о. Товта въ дорогомъ его сердцу ВБарре, гдѣ онъ прожилъ 17 лѣтъ:

26 Апр. 16 утра у гроба почившаго въ ВБарре была отслужена вышыва, гробъ съ тѣломъ усопшаго былъ вынесенъ іереемъ и поставленъ на катафалкъ и торжественная процессія двинулась по главной улицѣ ВБарре.

Густая масса народа сопровождала шествіе.

Цѣлый соборъ іереевъ въ бѣломъ облаченіяхъ, громогласное пѣніе: „Христъ съ воскресъ“ и „Помощникъ и Покровитель“, слезы и рыданія, — все это произвело на американцевъ потрясающее впечатлѣніе.

На вокзалѣ уже ожидалъ процессію Высококонсепциальный Владыка Палмсу, который, благословивши гробъ, вошелъ въ траурный вагонъ, отслужилъ мотю о упокоеніи усопшаго, а потомъ, когда поѣздъ двинулся, долго стоялъ надъ гробомъ и молился.

Спеціальныи поѣздъ оставался на каждомъ вокзалѣ, вблизи котораго жили русскіе люди. И вотъ по дорогѣ все больше и больше наполнялся онъ, такъ что на посл. станціи народа собралось больше 2000, и все они вмѣстѣ съ іереемъ провожали тѣло пѣнкомъ около 2 часовъ.

Стояла нестерпимая жара. Дорога бы-

ла очень утомительна — все больше подь гору. Но и іерей и народъ какъ бы не замѣчали всего этого, не ослабѣвали въ любви къ усопшему и всю дорогу славили Христа, и сущимъ во гробѣхъ животъ Даровавшаго.

У „святыхъ воротъ“ монастыря печальную процессію встрѣтила Архимастырь и кривѣтствовалъ усопшаго слѣд. трогательными словами: „Возлюбленнѣйшій и вѣрнѣйшій сынъ церкви Православной и „Батько“ Америк. Прав. Руси! Какъ необыченъ твой приходъ сегодня къ тотъ монастырь, который ты такъ сильно любилъ. Съ какою печалью великою встрѣчаемъ мы тебя — бездыханного. Но наша скорбь умягчается тѣмъ, что ты будешь спать вѣчнымъ сномъ подъ сѣнью Св. Тихоновской обители. Гряди же, плывецъ на бурномъ житейскомъ морѣ, въ тихую приставь. Отдохни, славный борецъ, отъ трудовъ своихъ! Монастырь съ честью и любовью приметъ твои останки. Прав. Русь будетъ съ молитвою приходить на твою могилу.“

Вотъ гробъ на іерейскихъ рукахъ вносится въ церковь и начинается Божеств. Литургія.

Тихо идетъ Богослуженіе, какъ бы изъ боязни нарушить смертный покой о. Товта; какъ то особенно трогательно звучатъ возгласы Архимастыря и сослужащихъ Ему іереевъ. На хорахъ прекрасно поетъ Скрантовскій хоръ, — подъ управленіемъ создавшаго его псал. В. Быкова.

Послѣ Евангелія проповѣдуетъ о. Г. Шутакъ — помощникъ о. Товта по ВБаррекому приходу, а во время причащенія съ прощальнымъ привѣтомъ ко всѣмъ отъ имени почившаго обращается его духовникъ о. І. Ольшевскій.

Кончена Литургія. Гробъ обносится вокругъ церкви и поставляется у могилы, приготовленной на наперти сейчасъ же за алтаремъ.

Начинается трогательный обрядъ свещ. отпѣванія, который совершаетъ самъ Высокопресвященный Владыка въ сослуженіи 12 іереевъ и діаконовъ, а остальные 8 подъ художественно—артистическимъ управленіемъ знатока церк. пѣнія о. В. Туркевича составляютъ превосходный хоръ.

Народъ со слезами на глазахъ окружаетъ дорогую могилу.

Высокопресвященнѣйшій Владыка скорбнымъ, по временамъ прерываемымъ отъ слезъ, голосомъ произноситъ чудное надгробное слово (напеч. выше), еще болѣе усилившее нашу скорбь о великой потерѣ.

Потомъ еще трогательно проповѣдуютъ о.о. благочинные Ѡ. Букетовъ и М. Скибинскій.

Выступившій за ними предѣдатель Прав. Общ—ва Взаимопомощи о. В. Туркевичъ начертываетъ яркій правств. образъ почившаго какъ несравненнаго борца за православіе и приглашаетъ всѣхъ идти по слѣдамъ его.

Говоритъ еще нѣсколько прощальныхъ словъ почившему „Батьковъ“ и редакторъ „Свѣта“.

Раздается тихое: „Придите, послѣднее цѣлованіе“. Но тѣмъ громче слышатся рыданія іереевъ и народа.

Медленно приближается ко гробу Архимастырь; низко кланяется усопшему — какъ бы отъ имени церкви благодарить усопшаго протоіерея за его несравненные труды въ пользу православія; потомъ лобызаетъ крестъ и руку почившаго.

Какъ бы электрическая искра пробѣгаетъ по всѣмъ свидѣтелямъ этой великой чести, оказанной усопшему Владыкой Архіепископомъ, а въ душѣ поднимается какое то особенно-утѣшительное чувство. Прямо таки хочется въ ноги поклониться Владыкѣ за это святое лобзаніе.

За Владыкой цѣлуютъ руку усопшаго,

обливая ее слезами, іерей и народъ.

Долго длится прощаніе. Многие, давши послѣднее цѣлованье, не хотятъ отходить отъ гроба, а пристально смотрятъ на лежащаго въ немъ о. Протоіерей — наноу красу и гордость.

Но вотъ все кончено. Владыка помазываетъ тѣло усопшаго освященнымъ елеємъ, посыпаетъ землей. Гробъ закрывается и опускается въ землю. О. діаконъ П. Лахно громогласно возглашаетъ „вѣчную память“.

Іерей поютъ своему славному сослуживцу вѣчную память.

Вотъ носыпалась земля. И первые комья ея, ударившись о крышку гроба, какою острою болью отозвались въ сердца наши.

Народъ со слезами смотритъ, какъ земля скрываетъ гробъ Славнаго Батька. Вотъ уже и нѣтъ его. Взвѣсивъ повывалась могила!

Оно—конечно—все люди должны умирать. Таковъ законъ природы. Но вѣдь это никто другой умеръ, а нашъ несправедливый о. Товтъ.

Подобные ему дѣятели рождаются вѣками. Кромѣ богатоодаренной души Господь послалъ ему еще особенное счастье — явиться въ Америку въ то время, когда все было готово, чтобы положить первый камень въ основанье цѣлой помѣстной церкви. Дѣло, совершенное о. Товтомъ, въ собственномъ смыслѣ апокалиптическое! И какъ жаль, что нашъ славный „Батько“ еще долѣе не пожилъ съ нами!..

Земной поклонъ тебѣ, незабвенный на вѣки о. протоіерей Алексій!

Да будетъ миренъ покой тѣла твоего подъ сѣнью св. обители, а душа твои да подвернется тамъ, гдѣ вѣчный свѣтъ, правда и добро!

„Знай, что память о тебѣ будетъ передаваться на Американской Руси изъ рода въ родъ и тропа къ твоей могилѣ никогда

не заростетъ травой.

Къ могилѣ твоей будутъ всегда ходить духовныя чада твои и, воздымая тебѣ молитвенную память, будутъ почерпать воыш силы къ борьбѣ съ врагами православія“.

Очешдець

Памяти протоіерея о. Алексія Товта — о. Миввезполнець посвящено было два дня: 24-ое и 26-ое Априля.

Въ пятницу, когда была получена скорбная вѣсть о смерти первокочальника Православія въ Америкѣ и первого „душпастыря“ Миввезполнець, стелужеея была зауноконная всевошная. Скорбные нанѣвы погребенія странно жредовались съ отрадными отзвукми еще востаннаго Воскресенія Христова. Чувствовались торжественность переживаемой минуты. Казалось, что утратилъ дѣйствительно „натуру“, славнаго человека, вождя примолнненнаго и чистосердечнаго. Семиларисты, — будущіе вожди той же паствы, коей первымъ вождемъ былъ Протоіерей, о. Алексій, — невольно отдались жемнью хотя звучной, согласной церковной нѣсвью почтить покойнаго пастыря и помолиться о упокоеніи души его.*)

На утро имѣли зауноконную Литургію. И все время днемъ и во время обѣда и вечеромъ все такъ и думалось о „Товтѣ“, о Протоіерей, его фигурѣ, словахъ, мысляхъ, обращеніи. Чуть только теперь становились повятными ивогія его дѣствія, о которыхъ не зналось, какъ сказать о нихъ при его жизни.

Душа почившаго какъ бы витала надъ нами...

Въ воскресеніе зауноконная ектенія вшер-

Одинъ питомецъ Семинаріи, выросшій подъ непосредственнымъ руководствомъ о. Протоіерея, отправился въ Веллесбарре лично исполнить сыновній свой долгъ по отношенію къ усопшему.

вые международно повѣдала мнѣніемъ о необходимости помолиться о упокоеніи того, кто явился перемычъ благомъ для насъ въ ихъ духовной и грѣшной жизни на американской почвѣ. Сколько думъ зародилось въ душахъ стоявшихъ, сколько скорби и тоски отозвалось въ сердцѣ каждаго! Помимо всего другого, особенно какъ то близко тебѣ и каждому стала мысль: придетъ неуловимый чередъ и къ намъ. А надъ всѣмъ витало чувство, что покойникъ въ сію минуту такъ близокъ всѣмъ!..

Въ 4 часа пополуночи вѣсто воскресной вечерни, отолужки была великая навихда о почившемъ. Братства стояли чинно въ траурныхъ „бѣлыхъ“ со свѣчами въ рукахъ. Давно, быть можетъ, не проявлялись мнѣніемъ столько молчаливоста единодушія, какъ въ этотъ вечеръ. Званіе пастыря въ жизни его несомнѣнно проявлялось вочію: уже давно оставилъ о. Протоіерей Алексій „свой“ Миннеаполисъ, а его будто вчера провели отсюда: такъ живъ остался первоначальникъ притока въ славянъ его мѣстныхъ.

Было сказано слово въ память приношенія о. Протоіерей Алексія, для выдѣленія значенія почившаго для мнѣніемъ, съ призывомъ увѣковѣчить посылно его память въ приходѣ.

Прелѣ навихды прихожане сошлись въ залѣ подъ церковью. Тутъ было постановлено соорудить портретъ о. Протоіерей А. Товта и поставить въ залѣ съ подобающею надписью. Члены Петро-Павловскаго Братства съ своей стороны выражали желаніе имѣть изображеніе о. Протоіерей вѣстѣ со всѣми братчиками изъ той поры жизни братства, когда оно и о. Протоіерей Товтъ жили единою нераздѣльною жизнью.

Не угаснетъ Твоя память, досточтимый о. Протоіерей, пока стоитъ Миннеаполисъ, Америка и Православная Церковь

въ ней!

Упокой, Господи, душу новопреставленнаго о. Протоіерей Алексія!

Свящ. Л. Туркевичъ.

О. протоіерей А. Товтъ, какъ русскій патриотъ.

— Я по русскій. И мадыры! не разъ шутили говорили о. Товтъ, намекая на то что по мѣсту своего рожденія онъ дѣйствительно былъ венгерцемъ (а по происхожденію русскій). Но я самъ не знаю, почему это я такъ люблю русскій народъ и царя, что если, бы потребовалось, душу свою готовъ положить за него. Знаете, мнѣ кажется, что я люблю Россію больше чѣмъ въ всѣ русскіе.

И мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшей речовки. Во время несчастной русско-японской войны о. Товтъ мужественно выступалъ на защиту Россіи и въ англійскихъ, и въ нѣмецкихъ, и въ венгерскихъ (даже!) и въ словацкихъ газетахъ. И—конечно—не мало способствовала раздѣланью тумана лжи, которымъ, благодаря агитации евреевъ, сильно скружена въ сознаніи Американскихъ народовъ наша великая и святая родина.

Былъ въ Вбарре и такой случай, свидѣтельствующей о горячемъ чувствѣ любви о. Товта къ Россіи. Какъ то въ публичномъ скверѣ одинъ явки началъ бранить Россію и Царя. Случайно проходившій здѣсь о. Товтъ услышалъ это и пришелъ въ такой гнѣвъ, что своимъ внушительнымъ посохомъ перекрестилъ нахала по головѣ. Пришла полиція, составили протоколъ. Но, благодаря своей почетной извѣстности въ Вбарре, о. Товтъ отдѣлался лишь нѣсколькими лишь долларами штрафа..

За о. Товтомъ въ любви къ Россіи шли и его прихожане. Это прямо какіе то фанатики. Скажи имъ что н. противъ Рос-

ей и цари, чуть ли не въ клочки разорвутъ. Бывали и такіе случаи.

Конечно, портретъ Государя красовался у о. Товта въ залѣ на видномъ мѣстѣ. О Россіи и ея Царѣ о. Товтъ всегда отаивался съ благоговѣніемъ и, какъ пламенный русскій патриотъ, жилъ надеждой, что въ скоромъ времени и ея Прикарпатская Русь присоединится къ Россіи и вмѣстѣ съ нею составитъ одно могучее и славное царство.

— Нѣтъ въ свѣтѣ прекраснѣе мѣсти, какъ русскій національный гимнъ. Когда поютъ: „Боже! царя храни!“ и не могу безъ слезъ слушать ее! не разъ говорилъ о. Товтъ.

Туже любовь къ Россіи и царю проявлялъ о. Товтъ и устно и письменно въ теченіе 18 лѣтъ. И къ радости нашей, должны мы сказать, что проповѣдь эта имѣла громаднѣйшій успѣхъ. И будетъ чистой правдой, если мы скажемъ что теперь въ Америкѣ Прав. абетръ русскіе гораздо больше любятъ Россію чѣмъ къ сожалѣнію въкоторыя ея сыны нашей великой родины и что главнымъ виновникомъ этой любви былъ о. Товтъ.

Отношенія почившаго о протоіерея Товта къ Архіереямъ начальникамъ нашей миссіи,

въ настоящее время всякихъ свободъ и интаній русскіихъ, отзвуки которыхъ довольно сильно долетаютъ и къ намъ, были и замѣчательны и поучительны. Рабское пресмыканіе предъ Архіереемъ о. Товтъ презиралъ. „Архіерей пресмыканіе аностоловъ; онъ все въ церкви; іерей же же только передатчикъ Божіей благодати, преизобильно почивающей на Архіереѣ! не разъ говорилъ о. Товтъ. Но это прямо унижаетъ Архіерея, если ближайшіи сотрудники его въ прахѣ лежатъ предъ нимъ, хамелеонничаютъ! У васъ въ Россіи, впрочемъ иное пошло. Какіе то священники обновленцы мечтаютъ конституцію въ церкви устроить — сдѣлать Архіерея какъ бы декорацией, чтобы за плечами его

что хотѣть дѣлать! Этакимъ олигархіемъ—антиканонично. Каждый Архіерей въ своей епархіи долженъ быть самодержцемъ. Всегда и вездѣ должна дѣйствовать одна только его воля“.

И помню, какою радостью сіяло лице о. Товта, когда онъ возвратился послѣ первой и долгою продолжительной бесѣды съ Архипастыремъ Платономъ.

Ну, какое впечатлѣніе вынесла отъ покая Владыки? спрашиваю я.

— Прекрасное, милое лице, величественная фигура. Острый умъ. Доброе сердце. И главное что? Самодержецъ! Такого намъ Владыки и нужно. Настоящій святитель. Увидите, какъ наша миссія пойдетъ впередъ! (см. „Свѣтъ“ за 1908 г. 4 Сент.) Помню далью, съ какими почтениемъ относился покойный о. протоіерей къ Владыкѣ Тихону и особенно къ вышнему Архипастырю Высокопреосвященному Платону, предъ которымъ онъ прямо благоговѣлъ.

— Уже и самъ не знаю, что меня тинетъ къ Владыкѣ Платону! говорилъ не разъ о. Товтъ. Въ прежнее время я за нѣсколько лѣтъ не бывалъ столько разъ въ Нью Йоркѣ, какъ теперь въ продолженіи одного года. Уже не мало видѣлъ я архіереевъ и православныхъ и римокатолическихъ и униатскихъ и вотъ никогда не переживалъ тѣхъ минутъ, какъ съ нашимъ Владыкой. Въ немъ есть дѣйствительно что то святительское!

Справедливость требуетъ сказать, что и Архіерей Американскіе любилъ и почиталъ о. Товта; а особенно Владыка Платонъ при всякомъ случаѣ какъ бы безвольно обнаруживалъ свою глубокую любовь и уваженіе къ о. Товту. И за 2 года своего пребыванія въ Америкѣ утѣшилъ старца двумя наградами—палицей и орденомъ св. Анны 1-й степени. До получения Анн. о. Товтъ не дожидъ, но уже лежалъ на смертной постели, узнавъ, что Владыка сдѣлалъ о немъ представленіе, со радостными слезами на глазахъ говорилъ о милости Владыки Платона къ его скромнымъ трудамъ.

Его уже нѣтъ.

Нѣтъ уже болѣе между нами о. Товта, — этого милого, благодушнаго, иногда съ идиотскою строгостью старца въ обращеніи съ своими и грозно — безпощадно го миссіонеромъ въ полемикѣ съ врагами православія.

Уже самымъ вѣдшимъ своимъ видомъ о. Товта производилъ на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе. Красиво и какъ то особенно величественный. Ну прямо таки настоящій юнтеръ, готовый — кажется — въ минуту уничтожить простого смертнаго, съ которымъ говоритъ. И за то, какъ бывало снокобно себя чувствуешь, не только сиди возлѣ него, а даже и мысленно представляя, что въ В-барре живетъ о. Товта, закаленный въ бояхъ за православіе герой, опытный полководецъ, который, въ случаѣ бѣды, готовъ выручить цѣлую миссію — закрыть своими могучими плечами всѣхъ іереевъ отъ вражескихъ выстрѣловъ.

И правда, это былъ нашъ общій учитель, другъ и отецъ.

Бывало, у кого только изъ насъ появится ли какой н. недоумѣнный вопросъ, случится ли неприятность по приходу или только взгрустнется, — не ѣ почти мы сѣдимъ къ о. Товту. И онъ такъ авторитетно скажетъ: „все глупости. Не обращайтесь вниманія. Сдѣлайте такъ!“, что невольно самъ засмѣешься и начнешь вѣрить, что дѣйствительно неприятность — „это одна лишь глупость“. Потомъ о. Товта начнетъ анекдоты разсказывать.

— Что это Вы, отецъ мой, все лишь анекдоты разсказываете? спросилъ его однажды я.

— А по Вашему лучше, чтобы я съ каждымъ плакалъ?! Часто когда я анекдоты разсказываю, у меня совсѣмъ бываетъ невесело на душѣ. Но пужно же человѣка чѣмъ нибудь поддержать — его тоску — печаль разсѣять.

Но если кто н. и серьезно хочетъ говорить, о. Товта былъ непечерпаемымъ кладземъ премудрости. Прекрасно образованный, сильно-начитанный, остроум-

нѣйшій, о. Товта былъ интереснѣйшимъ собесѣдникомъ. А при томъ же оригинальность и самобытность о. Товта во всемъ — до послѣднихъ мелочей жизни, а главное ореоль славы, которымъ справедливо было окружено его имя, какъ первопроходника Православія въ Америкѣ, еще при жизни сложившіяся объ о. Товтѣ легенды, дѣлали его самымъ замѣчательнымъ человекомъ, не только между православными а и между увѣрами. Его имя дѣйствительно гремѣло на всю Америку — не только между русскими народомъ но и между словаками. Не пужно было говорить: „о митроф. протоіерей“, „о. Алексій“, достаточно было сказать: „о. Товта“ или прямо „Товта“... или только „протоіерей“ и всѣ знали, кто это.

Не даромъ о. Товта иногда въ шутку, но не безъ нѣкотораго отбѣика гордости говорилъ: „меня всякая собака знаетъ“...

И вотъ этого то о. Товта нѣтъ болѣе между нами! Какъ то не хочется вѣрить, что нашъ „батько“ на вѣки оставилъ насъ, что онъ могъ оставить въ Вбарре кому то другому Товтовскій домъ, Товтовскую церковь...

Ахъ отецъ нашъ отецъ. Быть можетъ за то, что при жизни своей ты никогда не былъ причиной нашихъ слезъ, но смерти твоей ты оставилъ по себѣ страшно — тяжелую печаль и слезы!

Одно только утѣшаетъ насъ, что Господь далъ намъ счастье жить при тебѣ, и радость своими глазами видѣть равноаностгола Американскаго Правосл. церкви!

Да будетъ же миръ твоей душѣ въ мірѣ горнемъ въ царствѣ всего прекраснаго, идѣже пришещаетъ свѣтъ Лица Божія!

Н.

За редактора

Прот. А. Немоловскій.